

ПАРАДОКСЫ 1941 ГОДА

XX военные
тайны
века

А.П. РУСАКОВ

Военные тайны XX века

Александр Русаков

**Парадоксы 1941 года.
Соотношение сил и средств
сторон в начале Великой
Отечественной войны**

«ВЕЧЕ»

2020

Русаков А. П.

Парадоксы 1941 года. Соотношение сил и средств сторон в начале Великой Отечественной войны / А. П. Русаков — «ВЕЧЕ», 2020 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4484-8508-4

Вопрос о том, почему Великая Отечественная война началась для СССР весьма неудачно, по-прежнему является предметом бурных дискуссий. Ответы на него давались самые разные, от самых банальных до весьма абсурдных. При этом почти у всех авторов исторических трудов фактор соотношения сил и средств сторон отходил на второй план, поскольку в них якобы существовало примерное равенство. Парадокс, да и только! Немецко-фашистские войска были вроде как не сильнее Красной армии, но побеждали ее практически во всех многочисленных сражениях первых месяцев войны. Так неужели все дело состояло в субъективных и ситуативных факторах? Но были ли силы сторон равны на самом деле? В своей новой книге «Парадоксы 1941 года» А.П. Русаков попытался полно и досконально разобраться в количественно-качественном соотношении сил и средств противостоявших сторон в начале войны. В ней не только выполнен тщательный подсчет количества боевых самолетов, танков, броне-машин и другого вооружения и техники в войсках СССР, Германии и ее союзников, но и определена их истинная боеспособность и боеготовность.

ISBN 978-5-4484-8508-4

© Русаков А. П., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Введение	6
1. Танковый парадокс	8
2. Действия танковых войск в первых сражениях Великой Отечественной войны	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Русаков
Парадоксы 1941 года. Соотношение
сил и средств сторон в начале
Великой Отечественной войны

© Русаков А.П., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Введение

Вопрос о том, почему Великая Отечественная война началась для СССР столь неудачно, до сих пор вызывает бурные споры. Ответы на него давались самые разные, порой прямо противоположные. Однако если отбросить всякого рода предубеждения и стереотипы и посмотреть правде в глаза, то в целом главная причина поражений и отступлений советских войск очевидна и банальна: вторгшиеся в нашу страну войска Германии и ее союзников были сильнее, причем намного. Ибо побеждает, как известно, сильнейший. В одной-двух битвах еще может быть по-другому, но ведь они побеждали нашу армию почти во всех многочисленных сражениях начавшейся войны в течение многих месяцев подряд!

А в чем именно были сильнее вражеские войска? Казалось бы, и здесь ответ лежит на поверхности: да прежде всего в силах и средствах. То есть они были многочисленней, лучше вооружены и оснащены, чем сражавшиеся против них соединения Красной армии. Разумеется, весьма важны и субъективные факторы, особенно качество управления войсками, а также сила идеологии, мощь пропаганды и т. д. Но если танков, самолетов, пушек, автомашин и иной техники и вооружения гораздо меньше, чем у врага, или они значительно хуже качеством, то на голой организации и идеологии далеко не уедешь. В конце концов, лучшая организация проявляет себя и в создании более многочисленной и лучше оснащенной техникой и в иных отношениях армии.

Стало быть, если не мудрить и не лукавить, то всё представляется достаточно простым и очевидным, а поражения Красной армии в начале войны вполне закономерными. Однако если почитать труды большинства авторов, затрагивающих эту тему, то вся логика, все объективные закономерности не просто ставятся под сомнение, а, по сути, перечеркиваются. Оказывается, и танков СССР в июне 1941 года имел в несколько раз больше, чем фашистские агрессоры, и самолетов тоже. Да еще при этом наши танки были лучше, чем у немцев, не говоря уж о их бедных родственниках, извините, союзниках. При этом в большинстве книг и статей самые разные авторы уверенно выводят в принципе одни и те же показатели численности советских и фашистских войск, количества в них танков, самолетов, артиллерийских орудий и минометов. Расхождения если и есть, то чаще всего незначительные. Ну а другие виды вооружения и техники подавляющее большинство историков и иных авторов, как правило, практически игнорирует.

В общем, если поверить этим авторам, то получаются сплошные парадоксы, если даже не чудеса: у немцев и их союзников солдат было много, а танков и самолетов мало, которые к тому же были хуже советских, но они, несмотря на это, развязали полномасштабную войну против СССР. И не только развязали, но еще при этом разгромно побеждали в течение нескольких месяцев подряд после ее начала на всем протяжении фронта, даже несмотря на то что вскоре в Красной армии солдат в результате всеобщей мобилизации стало примерно столько же, сколько у немцев. Тут уж поневоле возникает крамольный вопрос чуть ли не мистического характера: неужели причина такого хода событий состояла в превосходстве «арийской» расы или, как его там, германского духа? Нет, успокаивают нас непоколебимые историки: просто СССР и Красную армию возглавляли тиран Сталин, самодур Жуков, неуч Ворошилов и прочие бездари, которые не смогли воспользоваться советским превосходством в мощи боевой техники. Правда, как эти бездари смогли добиться его в недавно еще технически отсталой стране, а потом в итоге и победить в войне, они не объясняют.

Тогда почему и каким образом возникли столь парадоксальные представления у большинства авторов? И неужели историки и в самом деле смогли все эти силы и средства точно подсчитать? Или, может быть, военные ведомства собрали и предъявили обществу все архивные данные о количестве вооружения и техники, которыми обладали в то время воевавшие

страны? Ах, если бы! На самом деле эти подсчеты и сравнения основаны отнюдь не на полной и проверенной документальной базе, а их методология вызывает большие сомнения. Кроме того, существуют значительные несоответствия между данными о том, сколько различных видов техники и вооружения было произведено промышленностью и сколько имелось в войсках противостоявших сторон. Ну а их техническое состояние, реальная боеспособность, степень боеготовности в исторических трудах и вовсе толком не учтены. Не удосуживается большинство историков (если даже не практически все из них) и составить полный баланс сил и средств сторон, игнорируя многие их виды. Так что стоит только чуть копнуть, как во всех этих данных о их соотношении станут заметны многочисленные несуразности и противоречия.

Особенно много странностей и недоразумений связано с определением мощи танковых войск СССР и Германии. Более того, возник своего рода парадокс между результатами летних боев 1941 года, в которых танковые группы вермахта были воистину триумфаторами, и мнением большинства историков о многократном количественном и даже качественном превосходстве советских танковых войск над немецкими. Опять-таки парадокс, но в этом сошлись многие правоверные советские патриоты, махровые антисоветчики и бывшие гитлеровские генералы. Только для одних советские танки являются предметом гордости, для других – доказательством гегемонистских планов руководства СССР, а для третьих – оправданием своего поражения в войне.

Кому-то представленные в настоящей работе рассуждения покажутся слишком спорными, кто-то найдет их непатриотичными. Однако путь к истине нередко проходит через непростое преодоление завалов прежних заблуждений, а подлинный патриотизм состоит отнюдь не в проявлении непомерной гордости за всё свое, отечественное, и уж тем более не в искажении истории. Итак, попробуем разобраться, чья «броня» была на самом деле тогда «крепка» и кому «разум дал» лучшие «стальные руки-крылья», а также в том, как это всё отразилось на ходе сражений в начавшейся войне.

1. Танковый парадокс

Еще со времен хрущевского «развенчания» «культа личности» Сталина в отечественной исторической литературе (и не только) сложилось устойчивое мнение, что к началу Великой Отечественной войны Красная армия намного превосходила войска противника в танковой мощи. Мол, и танков в советских войсках тогда насчитывалось в несколько раз больше, и были они лучше, чем у немцев, а тем более у их союзников. Считается, что во вражеских силах вторжения было более 4 тыс. танков и штурмовых орудий, а им в западных военных округах СССР противостояло свыше 14 тыс. советских танков. И эти цифры в большинстве работ повторяются с такой уверенностью, как будто каждый из повторяющих сам лично все эти танки пересчитывал по головам, то бишь по башням, ну или на худой конец сверял их число по всем архивным документам и иным источникам. Ну а сами эти документы якобы являются полностью сохранившимися, достоверными и доступными. Отклонения от этих цифр если и бывают, то чаще всего совсем небольшие.

Ну и, само собой, почти все в один голос твердят, что наши танки были лучше немецких. Чего только один легендарный Т-34 стоит, который, мол, вообще был лучшим танком Второй мировой войны. А некоторые не стесняются и советские легкие танки превозносить, особенно БТ-7. Для пушей убедительности многие авторы еще и отдельные показатели ТТХ танков СССР и Германии приведут. Чтобы никто не усомнился, что наши танки и броню имели потолще, и скорость побольше, и орудие помощнее.

Даже в работах вроде как неангажированных историков все эти данные и показатели сомнению, как правило, не подвергаются. Большинство авторов приводит их и говорит о них как о бесспорном, само собой разумеющемся факте. При этом наши и вражеские танки по всей совокупности своих многочисленных характеристик это большинство сопоставлять не считает нужным, где именно все они находились и в каком были состоянии в начале войны, в расчет тоже практически не принимает. Не принято в исторических трудах также сравнивать бронетанковые силы сторон по всему составу боевых и иных машин, а также различного вооружения. Все их объединяют в одну большую массу: танки нового типа с технически устаревшими, мощные средние с маломощными легкими и даже танкетками, недавно выпущенные с физически изношенными, а то и требующими ремонта и т. д.

Но ведь тогда получается, что Красная армия была сильней, ибо танки были тогда главной ударной силой армии, а вроде неглупый народ немцы все равно поперли на нашу страну, но, несмотря на это, в начале войны побеждали именно они. В общем, парадокс на парадоксе сидит и парадоксом погоняет!

Сомневающиеся в танковом превосходстве Красной армии к началу войны среди историков и других сочинителей, конечно, были и остаются, но их немного, и их сомнения, как правило, сдержанные, неоднозначные. Например, коллектив авторов Института военной истории МО РФ в своем весьма основательном статистическом исследовании сперва, как водится, привел данные о том, что СССР в начавшейся войне выставил 14,2 тыс. танков, а Германия и ее союзники – 4,3 тыс. [1]. Однако далее он вынужден был признать, что исправных советских танков накануне войны в действующей армии было всего лишь 3,8 тыс. [2]. Казалось бы, это уже не просто сомнение, а фактическое признание того, что войска агрессора по числу боеготовых танков в этот момент фактически превосходили нашу армию. Более того, эти авторы написали еще и о том, что «группировка войск противника, сосредоточенная у границы с СССР, превосходила советские войска западных военных округов... по тяжелым и средним танкам – в 1,5 раза... [3]. Но почему же тогда при общем сравнении сил сторон эти авторы повторили всё те же стереотипные цифры, выражающие многократное превосходство советских войск в

числе танков? Не осмелились идти против течения? Или побоялись запутаться во всех этих расхождениях данных?

Довольно противоречивой по этому вопросу была и позиция авторов многотомной «Истории Второй мировой войны». С одной стороны, они сомневались, что танки вермахта в немецких источниках подсчитаны полностью, отметив, в частности, неясность судьбы многих тысяч захваченных Германией танков трофеями, коих было только во Франции 4930 единиц. С другой стороны, при непосредственном сравнении сил сторон они приводили всё те же воистину ритуальные «более 4 тыс.» [4]. Конечно, справочно-энциклопедический формат указанных изданий не позволял их авторам глубоко внедряться в детали данного вопроса, но ведь их труды отражали содержание ведущих научных исследований истории этой войны.

Авторов, которые пытаются поставить под сомнение это танковое превосходство СССР в начале войны, в последние годы стало, пожалуй, больше. Правда, все они при этом тоже, как правило, осторожничают. Вот, например, В. Гончаров установил, что к июню 1941 года в западных военных округах СССР «числилось 12 780 танков и танкеток, из которых исправны были не более 10,5 тыс.» [5]. Уже не 14 тыс.! Ну а если посчитать только действительно боеготовые танки, да еще которые находились непосредственно у западных границ нашей страны, то есть лишь те, что реально могли вступить в бой уже в первые дни войны? Сколько их наберется: 7, 8 тыс.? Ну, пусть, в конце концов, даже 10 тыс. Но разве подавляющее большинство из них не составляли технически устаревшие легкие и малые танки, а также танкетки?!

В. Гончаров попытался проверить и полноту данных о числе немецких танков, которые представлены в знаменитом труде бывшего генерала вермахта Б. Мюллера-Гиллебранда. На них, собственно, и основываются цифры о несчастных 3,5–4 тыс. немецких танков и штурмовых орудий, которые Гитлер, судя по их количеству, исключительно по своей глупости направил покорять СССР. В результате В. Гончаров нашел немало танков и САУ, упущенных из виду этим немецким генералом. По подсчетам нашего историка получалось, что на самом деле их было гораздо больше: почти 4500 танков и САУ вермахта, а с учетом танков двух дивизий резерва – около 4800, а также 500 танков и свыше 300 танкеток их союзников. «В сумме же, – как он пишет, – войска оси, сосредоточенные против Советского Союза, к концу июня 1941 года имели порядка 5,5 тыс. танков» [6]. При этом численное превосходство в танках советской фронтовой группировки над немецко-фашистской В. Гончаров оценивает в итоге как двукратное [7].

Но как могло возникнуть столь парадоксальное мнение о большом превосходстве СССР в числе танков к началу войны? Могли ли сильно ошибиться Б. Мюллер-Гиллебранд и другие авторы признанных работ, в которых подсчитывались немецкие танки? Почему в работах ведущих советских военных историков выводились такие грандиозные цифры количества танков в Красной армии и почему тогда, несмотря на как бы многократное превосходство в танках, советские мехкорпуса в начале войны оказались бессильными перед вермахтом? Почему большинство историков повторяют эти цифры, даже не пытаясь их проверить и сопоставить с другими фактами начала войны? А если дело в тенденциозности, то в чем могли быть мотивы и интересы впадающих в нее авторов?

Это мнение, при всей его спорности и даже парадоксальности, возникло, конечно же, неслучайно. В нем нетривиально совпали интересы и стремления самых разных политико-идеологических сил: советских послесталинских руководителей, зарубежных и отечественных антисоветчиков, а также бывших генералов вермахта. Хотя, казалось бы, их интересы и взгляды не просто не совпадают, а прямо противоположны. Но не тут-то было. Да и было у них на самом деле немало общего, в частности антисталинизм.

Советские руководители и их подчиненные стремились таким образом показать успехи промышленности СССР, которая будто бы сильно превзошла промышленность Германии, если даже чуть ли не всей зарубежной Европы. И это, вероятно, делалось прежде всего по идеологи-

ческим соображениям. Вот-де насколько могучим был СССР и успешным социалистический тип экономики! Ну а если при этом в дурном свете выставляются наши танкисты и руководство Красной армии, то для них есть железное оправдание – во всем виноват тиран Сталин. Ну и еще его ближайшее окружение. Не дали, понимаешь, воспользоваться советским превосходством в танковых силах. При этом подразумевалось, что мощную танковую промышленность создал великий советский народ под руководством героической Коммунистической партии, а управлял массой танков исключительно бездарный Сталин вместе со своими бестолковыми приближенными. К антисталинизму в качестве мотивов добавлялись еще и внешнеполитические интересы советских властей послевоенного времени.

Антисоветчики и русофобы преследуют цель показать никчемность советского военного-политического руководства, ущербность социализма и слабость Красной армии. Дескать, послал Бог этим русским коммунякам армады халявных танков, но они по своей совковой убогости и традиционной русской лени не способны были ими хорошо распорядиться и, несмотря на большое преимущество в этих грозных боевых машинах, все равно были биты врагом.

Ну а немецкие генералы хотели оправдать свое поражение в войне тем, что им достались более слабые танковые силы. Мол, они воевали лучше русских, да только силы были слишком не равны. Несмотря на это, они все равно громили Красную армию в начале войны. Жалко только, что потом самодур Гитлер им подсуропил, да на помощь русским вероломно пришли генералы Грязь и Мороз.

Разумеется, дело не только в субъективных причинах и в определенной мотивации ведущих военных историков 50—60-х годов, а также в стереотипности мышления большинства остальных. Были и объективные причины, в первую очередь трудности доступа к различным документам Третьего рейха, в которых фиксировались цифры производства, поставок и нахождения в строю немецких и трофейных танков. Не всё так просто и с советскими архивами, точнее говоря, с достоверностью, полнотой и корректностью сведений в находящихся в них документах. Особенно это касается технического состояния советских танков.

Итак, мнение сложилось, скептики тоже есть. Можно понять и причины, почему оно сложилось и стало затем доминирующим и стереотипным. Но как бы то ни было, это мнение имеет под собой солидные основания, его признало большинство. Поэтому вполне можно допустить и то, что большое превосходство советских танковых сил есть факт, пусть и парадоксальный. Но насколько он все-таки соответствует другим фактам? И сразу же за этим возникают другие вопросы почти риторического характера, вопросы, на которые нет логичного ответа.

Во-первых, опять-таки почему же тогда немцы напали на нашу страну? И даже не просто напали, а совершили массированное вторжение по всему фронту протяженностью в несколько тысяч километров. То есть начали полномасштабную тотальную войну до победного конца, поставив свою судьбу на карту истории. Неужели они были такими дураками, ведь танки, как ни крути, были в то время основной ударной силой сухопутных войск? Причем именно сухопутные войска должны были нести всю основную тяжесть войны. А если так, то как эти, с позволения сказать, неразумные вояки годом ранее легко разгромили совокупные сухопутные силы Франции, Великобритании и ряда других западных стран, не говоря уже о легко битой ими ранее Польше? А ведь Франция и Великобритания были тогда крупнейшими державами, колониальными империями. Да и нашу армию, кстати, в начале войны немцы побеждали почти с тем же успехом. Так все-таки, значит, их военное планирование было вполне состоятельным, а разведка работала неплохо.

Во-вторых, как это у немцев было в несколько раз меньше танков, если промышленность Третьего рейха, объединившего под своей фактической властью почти всю зарубежную Европу, была гораздо мощнее советской? Это подтверждает большинство показателей промышленного производства в предвоенные годы, в частности стали, угля, электроэнергии, алюминия, машин, станков и приборов. Например, в 1940 году стали в Германии (с учетом

Австрии) в общей сложности было произведено 20 млн тонн, а в СССР – 18,3 млн тонн, электроэнергии – соответственно 52 и 48,3 млрд кВт/ч, автомашин – 333 тыс. и 145 тыс. А если учесть производство европейских союзников Германии, а также оккупированных ею и зависимых от нее стран, то их преимущество по большинству видов продукции возрастает до 2—3-кратного [8]. Немецкие фирмы к тому моменту давно уже были лидерами в мировом машиностроении, производстве приборов и радиотехнической продукции, в то время как в СССР крупные машиностроительные предприятия только стали создаваться. Достаточно лишь назвать такие всемирно известные фирмы Германии, как «Крупп», «Хеншель», «Сименс», «Роберт Бош», «Карл Цейсс», «Браун», «Лейка» («Эрнст Ляйтц»), «Даймлер-Бенц», «Опель», «Ауди» («Хорх», «Вандерер» и др.), «Майбах», БМВ, МАН, «Магирус-Дойтц» («Клекнер-Дойтц-Магирус»), «Фокке-Вульф», «Юнкерс», «Хейнкель», «Дорнье», которые в первые десятилетия XX века прославились своими автомашинами, самолетами, тракторами, оптическими, радиотехническими и иными приборами и устройствами. А вот наши гиганты индустрии, включая знаменитые ЗИС, ГАЗ, ХТЗ, СТЗ, ЧТЗ, Кировский завод («Красный путиловец»), «Красное Сормово», Уралмаш, авиационные заводы в Москве, Горьком, Воронеже, Новосибирске, Казани, Таганроге и т. д., появились лишь в 30-е годы, то есть незадолго до начала войны, и были, как ни крути, в роли догоняющих.

В-третьих, как это у Германии и ее сателлитов было гораздо меньше танков, если их войска, осуществлявшие вторжение, по численности личного состава почти в два раза превосходили войска прикрытия западной границы СССР? [9] И даже сомневающиеся в этом историк (если не считать, конечно, отдельных маргиналов-антисоветчиков) и то признают большое численное превосходство немецко-фашистских войск над советскими. Да и невозможно сильно ошибиться в подсчете численности личного состава. Так неужели немцы бросили на наши танки, извините за выражение, голую пехоту? А ведь количество боевой техники сторон в войне, как правило, пропорционально численности их личного состава. Да еще если учесть, что Германия была в целом более технически и промышленно развитой державой.

В-четвертых, как это у немцев были хуже танки, если Германия еще с конца XIX века была мировым лидером научно-технического и индустриально-технологического прогресса?! Пospорить в научно-технических, опытно-конструкторских и технологических приоритетах с Германией, тем более вкупе с Австрией (Австро-Венгрией), в предшествующий войне период могли только США, Великобритания и Франция. Да и то, наверное, если взять их всех вместе. К примеру, в период с начала века и до 1939 года нобелевских лауреатов по физике и химии Германия и Австрия дали приблизительно столько же, сколько перечисленные страны, вместе взятые, даже чуть больше, взяв почти половину всех этих наград, а Россия и СССР – ни одного. Причем при всей несомненной пристрастности Нобелевского комитета большинство его лауреатов первой трети XX века были действительно выдающимися учеными. Нет, конечно, автор восхищен трудовым подвигом советского народа в годы первых пятилеток, признает заслуги сталинского руководства в организации и развитии индустриализации и культурной революции в СССР, высоко оценивает талант отечественных конструкторов и изобретателей. Однако чудес все-таки не бывает, и техническое отставание от Германии, которое складывалось веками, за 10–15 лет не преодолеешь, какие трудовые и научные подвиги ни совершай. Да и немцы ведь тоже в это время не сидели сложа руки.

Наконец, в-пятых, как это у вермахта были слабее танковые войска, если в первые дни, недели и месяцы войны как раз немецкие танки совершали успешные прорывы, рейды и обхваты, а отнюдь не советские? Где же тогда были наши, как считается, более многочисленные танки, которые к тому же якобы были лучше вражеских? В каких лесах заблудились и в каких болотах застряли? А если-таки застряли, то в чем тогда была их сила? Как ни крути, а результаты боев неопровержимо доказывают, что фактически сильнее в то время были танковые войска Германии.

В общем, получается, что преимущество Красной армии в танках, по-видимому, было только на бумаге. Да и то в основном у послевоенных сочинителей. А вот накануне войны немцы мало сомневались в своем техническом превосходстве над СССР. Это видно хотя бы из дневника начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера, который 16 января 1941 года записал: «Русское вооружение: материальная часть устарела» [10]. При этом в своих записях он ни разу не посетовал на недостаток у вермахта танков или на превосходство советских танков в своих боевых и иных характеристиках. Причем не только накануне войны, но и в ее начале. А ведь он, в отличие от Б. Мюллера-Гиллебранда, знал ситуацию глубже, полнее и был осведомлен лучше его. Так что не заметили ни Ф. Гальдер, ни командующие наступающими немецкими соединениями, которые представляли ему сведения о ходе боев, крупных масс мощных советских танков, которые вроде как должны были стать для них серьезной проблемой в начале войны. Должны были, если, конечно, поверить трудам большинства послевоенных сочинителей.

Не жаловался в своих дневниковых записях на нехватку в вермахте танков или же на их недостаточные характеристики и знаменитый командующий группой армий «Центр» Ф. фон Бок. Весьма характерным является его воспоминание о совещании у Гитлера, состоявшемся накануне нападения на СССР, во время которого тот заявил, что «американское военное производство не может идти ни в какое сравнение с нашим постоянно растущим военным производством, особенно в области авиации, подводной войны и танкостроения. Таковое положение, по мнению фюрера, будет сохраняться еще довольно долго» [11]. Ну а советское военное производство германский диктатор, как это понятно по контексту дневника Ф. фон Бока, и вовсе не считал сопоставимым с ними. В этом он, пожалуй, ошибался, но так ли уж сильно? Впервые же на материальную часть подчиненных ему бронетанковых сил Ф. фон Бок пожаловался лишь 30 июля 1941 года, отметив, что возникли затруднения в отыскании достаточного количества танков для атаки на Рогачев и Торопец [12].

Да и советские генштабисты накануне войны располагали, вероятно, далеко не столь оптимистичными данными о соотношении количества танков у сторон. Согласно плану стратегического развертывания ВС СССР, разработанному Генштабом в сентябре 1940 года, ожидалось, что Германия может направить для вторжения в нашу страну 10 тыс. танков, а Румыния и Венгрия – еще 550 танков [13]. Ну а в ГРУ число танков фашистского блока оценивали до 12 тыс. и даже до 16 тыс. единиц [14]. И наверняка не просто так появлялись такие оценки количества бронетехники этих стран. Надо полагать, что для советской военной разведки задача получения сведений о производстве во враждебных государствах танков и другой бронетехники, а также об укомплектовании ими своих армий была не самой сложной задачей. Преувеличение сил противника, конечно, допущено, но если все-таки всё внимательно посчитать, то вполне возможно, что оно окажется не таким уж и большим.

Примечательно, что и наши прославленные полководцы Г. Жуков и А. Василевский в своих мемуарах тоже писали о том, что танков у немцев в начале войны было много, даже больше, чем в Красной армии. А ведь они стояли тогда во главе ее Генштаба, а значит, надо полагать, знали, что происходило в то время в реальности, получше большинства других послевоенных сочинителей. К примеру, Г. Жуков в своих воспоминаниях написал следующее: «На Западном фронте... развернувшиеся в первых числах июля сражения проходили в условиях подавляющего превосходства мотобронетанковых сил... противника» [15]. Не менее категоричен и при этом более конкретен был А. Василевский: «К середине июля 1941 года в условиях крайне напряженной обстановки войскам Красной армии удалось временно стабилизировать фронт. Как и прежде, главным направлением на советско-германском фронте оставалось Центральное. На этом направлении Ставка Верховного Главнокомандования создала новый стратегический фронт обороны путем выдвижения армий из своих резервов, но и он уступал врагу:

по людям – в 2,2 раза, по орудиям и минометам – в 2 раза, по самолетам – в 2 раза, а по танкам соотношение было 4 к 1 в пользу противника» [16].

Выходит, что даже на центральном (фактически – главном) направлении, несмотря на выдвижение туда, как пишет А. Василевский, советских «армий» из «резервов», немцы в начале и середине июля превосходили Красную армию по танкам до 4 раз. При этом их превосходство в этих боевых машинах было даже большим, чем по другим видам боевой техники. А ведь на это направление (фронт) вскоре после начала войны перебрасывались танки не только из внутренних военных округов, но и соседних фронтов. Сюда же в конце июня было переброшено и большинство танков одного из наиболее укомплектованных 5-го мехкорпуса, который был ранее дислоцирован в Забайкальском военном округе. Как ни крути, но в это время, несмотря на все большие потери в предшествующих боях, меньше 600–700 наших танков на этом направлении быть никак не могло. Но тогда получается, что у немцев здесь было как минимум 2 тыс. танков, то есть раза в полтора больше, чем они имели, как принято считать большинством историков, к началу войны.

Итак, огромное превосходство СССР в количестве, а то и в качестве танков над противником, которое, по мнению большинства военных историков, якобы имелось в начале войны, можно и нужно подвергать сомнению. При этом надо учитывать, что подсчет числа танков и определение их качества, боеспособности – дело непростое, хотя бы даже потому, что танк танку рознь. Ведь танки разных типов и видов по своей боевой мощи могли отличаться друг от друга весьма сильно, даже во много раз, а войска сторон по своей структуре были далеко не одинаковые. Нельзя забывать и об их техническом состоянии, доле небоеспособных танков в войсках. В общем, сравнение танков и других бронеединиц сторон должно быть объективным, дифференцированным, сопоставимым, корректным.

Но может быть, большое преимущество Красной армии в танках было всамделишным, да только значение этих боевых машин тогда было невелико? И потому превосходящая сила советских танковых войск никак не сказалась на ходе войны? Да, такое объяснение было бы выходом из логического тупика. Но как бы не так! Конечно, значение танков многие любят преувеличивать, даже чересчур, но все-таки немецкие танки были действительно грозной силой наступавших. По степени своей эффективности и ударной мощи в 1941 году с ними могла сравниться, пожалуй, только фронтовая авиация Германии. Именно танковые соединения вермахта при поддержке его моторизованных дивизий и прорывали оборону Красной армии, и замыкали кольцо окружений советских войск, образуя так называемые котлы. Да и потом, в 1944–1945 гг., танки опять-таки показали себя главной ударной силой наступавших, на этот раз уже Красной армии. В общем, роль танковых войск в этой войне была действительно очень важной, возможно, даже решающей.

Наверное, самым убедительным подтверждением этому являются строки из дневника Ф. Гальдера. И здесь хотелось бы прежде отметить, что указанный дневник как источник фактической информации представляет собой действительно большую ценность. Он, пожалуй, важнее в этом отношении, чем все послевоенные труды немецких генералов, вместе взятые. Во-первых, Ф. Гальдер был самым осведомленным человеком о действиях сухопутных войск Германии в 1941 году, ибо возглавлял в то время Генштаб этих самых войск. Во-вторых, он записывал факты сразу же, по мере их поступления, а не вспоминал о них или разыскивал их спустя много лет. В-третьих, он писал для себя, для дела, а не напоказ, для публики. Поэтому привирать и изворачиваться в своем дневнике ему было незачем, а сам дневник как источник информации содержит прежде всего известные его хозяину сведения о происходивших тогда событиях. Да и тем, кто эти факты Ф. Гальдеру сообщал, лгать тоже было ни к чему, хотя бы потому, что вести с фронта были тогда для немцев еще весьма хороши. Разве что они могли немного преувеличивать масштабы своих побед. Однако Ф. Гальдера, педантичного, скептич-

ного и сдержанного по натуре человека, как это хорошо видно и из его дневника, развести на хитрости или заставить поддаться на эмоции было трудно.

Итак, записывая сведения о событиях лета 1941 года на советско-германском фронте, Ф. Гальдер буквально каждый день выделял действия танковых групп вермахта. И о них он вносил записей гораздо больше, чем о пехоте, артиллерии и других родах сухопутных войск, вместе взятых. Каждый день генерала заботило в первую очередь то, где были и что делали танки Х. Гудериана, Г. Гота, Э. фон Клейста и Э. Гепнера. И это было обусловлено отнюдь не каким-то особым пиететом начальника немецкого Генштаба к грозным танкам и бравым танкистам, в котором высокопоставленный генерал замечен вроде как не был, а тем, что именно эти танковые группы, судя по его записям, шли в авангарде немецкого наступления, пробивали оборону Красной армии и брали советские города. К примеру, 23 июня Гота он упомянул 8 раз, Гудериана – 6 раз, Клейста – 2 раза. 24 июня Гот и Гудериан названы по 5 раз, Гепнер и Клейст – по 1 разу. 25 июня Гот и Гудериан упомянуты по 2 раза, Гепнер и Клейст – по 1 разу. 26 июня Гот назван 4 раза, Гудериан – 2 раза. 27 июня Клейст упомянут 5 раз, Гепнер – 2 раза, Гот – 1 раз. И т. д. и т. п. Лишь еще один немецкий военачальник так же часто фигурировал в дневниковых записях Ф. Гальдера этих дней – Ф. фон Бок. Остальных же своих генералов он упоминал в нем лишь изредка [17].

Ну тогда, может быть, совокупность всевозможных иных обстоятельств как-то сгладила, нивелировала превосходство Красной армии в танках в этот период? Это уже ближе к истине, поскольку сила танковых войск определяется далеко не только количеством и качеством имеющихся в них танков, но и других своих составляющих: числом, характеристиками и состоянием автомобилей, тягачей и прочих транспортных средств, числом и мощностью артиллерийских орудий, вооруженностью личного состава минометами, пулеметами и пистолетами-пулеметами, оснащенностью их радиосвязью. А в этих компонентах преимущество немцев было большим и труднооспоримым. Например, сравнивая по числу танков с советским танковым корпусом немецкая танковая дивизия превосходила его по штату (на 01.01.1943 г.) в артиллерийских орудиях почти в 4 раза, а по числу автомобилей – почти в 2,5 раза [18]. В конце концов, важную роль могли играть и иные факторы: сила других родов войск, организация снабжения и его инфраструктура, оперативное и тактическое умение военачальников, уровень боевой подготовки личного состава и т. д. Да и в самом деле сыграли, о чем автор дальше еще подробно расскажет.

Однако если бы у немцев было действительно гораздо меньше боеготовых танков, да еще и они были якобы хуже советских, то ошеломительные успехи их танковых войск в боях лета и осени 1941 года были бы всё равно невозможны. Как и совершенно непонятно, как это называемые большинством авторов почти полторы тысячи как бы самых мощных танков того времени Т-34 и КВ, которые якобы были на фронте в начале войны, не смогли помочь Красной армии выиграть хотя бы одно сколько-нибудь крупное сражение? Были, конечно, в этот период у наших войск отдельные успехи в контрнаступлениях, например под Рогачевом – Жлобным и Великими Луками, но решающую роль в них сыграли отнюдь не танки. А все попытки советских контрнаступлений с использованием крупных танковых сил, несмотря на героизм наших танкистов, заканчивались поражением, в частности в сражениях под Дубно – Бродами и под Сенно – Лепелем.

Так как же объясняют верующие в огромное танковое превосходство Красной армии над врагом ее поражения в этот период, а самое главное, важнейшую роль немецких танков в более чем успешном наступлении вермахта? Почему они не видят провальные действия советских танков в этих боях? Неужели они не замечают здесь противоречия между этим советским якобы превосходством и результатами сражений лета 1941 года в пользу немцев, как и других противоречий этой веры фактам? Замечают, во всяком случае большинство, но находят для объяснения этих противоречий различные, как говорится, отмазки.

Если попытаться расставить эти отмазки, извините, объяснения по степени их, так сказать, популярности, то безоговорочное первое место среди них займет известное всем универсальное объяснение на все случаи подобных, простите еще раз, непоняток: СССР и Красную армию возглавляли бездарные руководители, а особенно всем и всюду мешал вездесущий диктатор Сталин. Конечно, столь резко выражаются немногие, но подобным образом рассуждали, да и до сих пор рассуждают действительно очень многие, даже, возможно, большинство.

Отбросим подобную примитивщину (и, по сути, миф) в сторону как некий устаревший курьез и попытаемся собрать, причесать и построить по ранжиру более серьезные объяснения. Вот какой при этом получается список:

1) руководство Красной армии и фронтами в первые дни войны непродуманно отдавало приказы о контрнаступлениях, когда для этого не было необходимых условий и возможностей; в этих неподготовленных наступлениях было быстро потеряно большое количество советских танков;

2) советские танковые соединения в западных округах были неудачно дислоцированы: одни из них стояли слишком близко к границе и в результате внезапного удара стали легкой добычей гитлеровцев, другие располагались слишком далеко от нее, и поэтому их приходилось долго гнать своим ходом, теряя в пути из-за поломок и происшествий, сжигая впустую горючее и напрасно изматывая экипажи, либо подставлять под удары немецкой авиации при переброске железнодорожным транспортом;

3) советские танкисты были плохо обучены (дескать, их наспех набирали из вчерашних студентов и конюхов) и менее опытные: механики-водители имели малый наезд, во всяком случае на танках новых типов, а командиры толком не умели ни управлять танком, ни прицеливаться;

4) в советских танковых соединениях и частях имелся большой некомплект командиров всех уровней, механиков-водителей, техников и других специалистов;

5) в советских войсках было плохо организовано и отработано боевое взаимодействие между экипажами танков, а также между танковыми и другими родами войск;

6) в советских войсках не хватало запчастей, боеприпасов, ГСМ и других материальных средств, снабжение их было поставлено неважно, а то и вовсе плохо; вдобавок к этому в них было слишком мало автомобилей, особенно многотоннажных, что усугублялось плохими дорогами;

7) в советских войсках имелось много старых, физически изношенных, неисправных танков, нуждавшихся в ремонте и дополнительных усилиях для их обслуживания; эти танки, едва вступив в действие, быстро выходили из строя;

8) советские танки новых типов были приняты на вооружение совсем незадолго до начала войны, будучи сырыми, недоведенными, поэтому поначалу в боях они не показали всех своих лучших качеств, а также часто ломались;

9) лучшие советские танки Т-34 и КВ слишком поздно поступили в войска, причем едва ли не большинство из них в последние месяцы и недели накануне войны; поэтому они были плохо изучены и освоены на местах, за их поставками в войска не поспевали развитие ремонтной базы и снабжение запчастями;

10) внезапным ударом враг дезорганизовал действия советских танковых соединений, не позволил наладить нормальное управление ими командованием армий, фронтов и Генштабом, обеспечить достаточное снабжение их горючим, боеприпасами и другими материальными средствами в условиях военных действий;

11) в наступлении тогда были немцы, поэтому советские танки, даже с небольшими повреждениями и поломками, оставлялись врагу; напротив, немцы имели возможность эвакуировать свои поврежденные и неисправные танки с поля боя и маршей и ремонтировать их;

12) в руководстве Западного и Юго-Западного фронта и входивших в них армий и мехкорпусов, где была сосредоточена основная масса наших танков, были предатели, которые старались дезорганизовать действия советских войск.

Вроде бы все или почти все из этих объяснений не лишены оснований, а многие и вовсе представляются вполне разумными. Однако если вдуматься, то выходит, что большинство из них так или иначе фактически означают, что сила танковых войск Красной армии явно преувеличивалась, либо соответствующие цифры и показатели их количества были мало что значащими или вовсе ошибочными. Одновременно многие из этих объяснений объединяет то, что они указывают на проблемы, связанные со слишком быстрым ростом Красной армии в последние предвоенные годы. СССР отчаянно пытался догнать стремительно наращивавшую свою военную мощь Германию. Но наш противник использовал гораздо более крупные ресурсы почти всей Европы и опирался на свою самую передовую в мире научно-техническую и опытно-конструкторскую базу. Вот потому качество и организация наших войск очень не поспевали за возрастанием их количества. И за рычаги танков и к их прицелам действительно усаживались вчерашние конюхи и студенты или в лучшем случае трактористы, пехотинцы и кавалеристы.

Ну а некоторые из упомянутых выше объяснений являются весьма сомнительными, спорными, предположительными, никак почти не объясняющими соотношение сил и результаты боев. К примеру, каких-либо прямых доказательств предательства Д. Павлова, А. Климовских, М. Кирпоноса, М. Пуркаева и других руководителей советских фронтов и армий, потерпевших в начале войны сокрушительные (или слишком неожиданные) поражения, никем так до сих пор не обнаружено. В конце концов, никто из них на сторону врага не перешел, кроме немногих генералов невысокого ранга, попавших в плен. Пока мы можем обоснованно, бесспорно говорить лишь об ошибках и упущениях этих военачальников, которые могли произойти вследствие недостатка знаний и сообразительности, но особенно – необходимых волевых качеств. Они оказались просто не готовы к такому развитию событий и растерялись. Хотя это не значит, что предателей, намеренно саботировавших мероприятия по повышению боеготовности, а затем и по отпору врагу, в их рядах и вовсе быть не могло. Но даже если это удастся доказать, соотношение сил на фронте и другие неблагоприятные для Красной армии объективные факторы никуда от этого не денутся.

Да и не стоит преувеличивать возможности предателей, а равно преуменьшать возможность их разоблачения. И вряд ли бы некие притаившиеся предатели в руководстве фронтов и армий посмели бы отдавать откровенно вредительские приказы танковым или иным соединениям, ведь тогда они сильно рисковали бы своим разоблачением. К тому же сделать это было весьма непросто, ведь система подготовки приказов в армии была коллективной, а система контроля многоуровневой. А если бы они их все-таки отдали, это, скорее всего, не осталось бы для них без последствий. В конце концов, выполнять дурные приказы подчиненные спешить не любят, а когда выполняют, то стараются делать это осторожно, по-хитрому. Не очень понятно и то, как в условиях начавшейся тогда войны, стремительных изменений ситуации на фронте и в управлении войсками эти предатели смогли бы поддерживать связь с немецкими штабами. А ведь без такой связи эффективность их вредительства была бы, скорее всего, невелика. В общем, слухи и предположения о советских генералах-предателях являются сильно преувеличенными.

Вот такие, с позволения сказать, находятся объяснения неудачам советских танковых войск в начале войны. Не то чтобы это всё было неправдой или ерундой, но все-таки у большинства сочинителей получается не столько анализ ситуации, сколько набор оправданий, да еще и во многом неоднозначных. И это еще автор потрудился составить здесь полный их перечень, стараясь включить в него все серьезные объяснения, в то время как в большинстве работ подобных сочинителей он гораздо более скудный, мелкий, а нередко и примитивно выражен-

ный. Ну и, как уже сказано, самые разумные и весомые из этих объяснений фактически говорят о слабости советских танковых войск по сравнению с немецкими.

Казалось бы, тогда следует признать, что ставшие обиходными цифры о большом превосходстве Красной армии в танках в начале войны являются весьма сомнительными, что различия в характеристиках лучших немецких и советских танков в целом уравнивали друг друга, если даже и вовсе превосходство было у первых из них, что танковые войска – это не только танки, но и многое другое, почти столь же важное. В конце концов, надо уже признать и то, что трудно учесть все нюансы, а по отдельным цифрам, номинальным и формальным показателям нельзя оценивать силу танковых войск. Но не тут-то было, подобные цифры и показатели, выражающие огромное превосходство СССР в танках, продолжают повторять как ни в чем не бывало. Да не просто их повторяют, но еще и выносят на первый план и всячески подчеркивают это превосходство. И именно исходя из них большинство историков рассматривают историю летней кампании 1941 года.

Впрочем, причины недостаточной эффективности советских танковых войск в начале войны можно искать отнюдь не в том, что танков в них имелось на самом деле не так уж и много, и были они не столь уж и мощны, а в том, что они в силу своего назначения и сложившейся ситуации мало что могли тогда поделать. Дескать, танки – оружие прежде всего наступательное, а Красная армия вынуждена была действовать тогда в обороне. Вот потому, мол, советские танки и не смогли остановить огромную немецкую пехоту и оказались почти бессильны против многочисленной немецкой артиллерии.

Что ж, такое объяснение может показаться достаточно разумным. Более того, нечто подобное вроде бы даже как раз и происходило в реальности. Поэтому неслучайно, что в этом направлении пытались искать причины неудач Красной армии отдельные историки, например М. Мельтюхов. А для небезызвестного сочинителя В. Суворова (Резуна) и некоторых других авторов, которых называют последователями д-ра Геббельса, это вообще стало идеей фикс.

Однако в первых своих сражениях война имела весьма маневренный, подвижный характер, то есть такой, в которой танки были как раз важны и сильны независимо от роли сторон. В такой по характеру войне грань между наступлением и обороной имеет довольно условный и весьма зыбкий, быстро меняющийся характер. И это не только предположения, общие слова или теория, советские войска и на практике неоднократно предпринимали тогда попытки контрнаступлений с участием крупных групп танков. Не говоря уже о многочисленных контратаках советских танковых частей и соединений. Но эти контрнаступления и контратаки оказались в основном неудачными, а если и имели некоторый успех, то локальный и непродолжительный.

Ну и потом, а почему якобы более слабые немецкие танковые войска смогли прорывать оборону Красной армии и окружать советские войска? Почему они сумели тогда доказать эффективность танков в наступлении, а наши в контрнаступлениях и контрударах – нет?! Почему наши войска не смогли остановить удары якобы слабых и малочисленных немецких танков, а немецкие останавливали удары якобы сильных и многочисленных советских танков? Так что дело не в том, в чем именно состоит предназначение танков и какое они по характеру вооружение, а в том, у кого они были многочисленнее и мощнее, качественнее, ну и, наконец, кто их лучше смог тогда использовать. Понятно, что сила танковых войск заключалась не в одних лишь танках, но всё же в танках – в первую очередь.

Доминирующие в литературе однобокие представления о силе танковых войск сторон и роли танков во многом дезавуируют и высказывания немецких генералов, в частности о том, что советские войска в начале войны «гораздо лучше» действовали в обороне, а не в наступлении. Подобные воспоминания оставил, к примеру, Э. фон Бутлар [19]. Получается, что не больно-то помогли танки Красной армии и не очень-то они были наступательным оружием, если она плохо действовала в наступлении, несмотря на большое их количество. Да и как бы то

ни было, а танки вполне могли быть использованы и в обороне. И не только в роли артиллерии, но и, например, при ликвидации прорывов танков противника.

Но что происходило непосредственно на поле боя? Действительно ли в боях и сражениях всё было так, как должно быть согласно логике и исходя из расстановки сил и средств сторон к началу войны?

2. Действия танковых войск в первых сражениях Великой Отечественной войны

Так как же в первых сражениях войны действовали наши танковые войска и как – немецкие? Сталкивались ли они непосредственно друг с другом на поле боя? Каким образом немецкие танки прорывали советскую оборону и почему ее не могли прорвать наши танки во время контрударов? В поисках ответов на эти вопросы следует обратиться к работам тех авторов, которые описывали и анализировали ход танковых боев, произошедших в начале войны.

Начнем с работы В. Гончарова, благо он выполнил ее на основе изучения мемуаров и архивных материалов. Этот автор, в частности, написал, что одним из первых танковых столкновений на Юго-Западном направлении был бой за город Радзехов, который произошел 23 июня. С немецкой стороны в нем участвовала 11-я танковая дивизия, поддержанная артиллерией и пикирующими бомбардировщиками, с советской – части из состава 10-й и 32-й танковых дивизий и 81-й мотострелковой дивизии. В ходе боя потери наших частей (по донесениям их командования) составили 37 танков, включая по меньшей мере 6 танков Т-34, а потери противника – примерно 38 танков и бронемашин и 31 противотанковое орудие. По немецким же данным, советские потери составили до 68 танков [20]. В результате, как продолжает В. Гончаров, остатки советских танков отошли, а 11-я танковая дивизия противника вышла к реке Стырь и беспрепятственно ее форсировала [21]. После этого 24 июня севернее Луцка разгром, на этот раз полный, ждал нашу 19-ю танковую дивизию. 25 июня немцы взяли этот город [22]. В общем, наши танкисты, судя по их донесениям, как бы на равных сражались с танками врага, но почему-то в результате боев отходили.

Затем этот автор весьма продолжительно и довольно путано описывает, как во исполнение приказа о контрнаступлении одни наши мехкорпуса долго и упорно добивались до фронта, а другие в это время ходили, как говорится, кругами и зигзагами, пытаясь то выйти на врага, то уйти от него. При этом они теряли в пути технику из-за поломок и происшествий, сжигали горючее, расходовали и так уже порядком выработанный моторесурс [23]. В общем, действовали почти как по известной поговорке о том, что главное не война, а маневры. И они маневрировали, маневрировали, да невыманеврировали. В итоге одни танки сломались, другие застряли, третьи отстали, четвертые не встретились друг с другом и потому действовали разрозненно. Когда же наши танкисты вышли на врага, устали сами и загнали своих железных коней. И вроде бы немцев даже били, если, конечно, наши офицеры и генералы в своих донесениях и мемуарах не врут, но в итоге все равно отступили и почти все танки потеряли.

Да и вообще, считаешь эти донесения и мемуары и опять-таки сталкиваешься с парадоксом: танков у немцев было якобы гораздо меньше, в боях они теряли их больше, а побеждали и продвигались вперед именно их танки. Так, может быть, все-таки всё было наоборот: и боеготовых танков у немцев было больше, по крайней мере мощных типов, и теряли в боях они их меньше? Во всяком случае, результаты первых сражений начавшейся войны свидетельствуют именно в пользу такого предположения. Не были же у них танки волшебными чудовищами, чудесным образом восстанавливающимися после каждого своего поражения целыми и невредимыми!

Зато в более поздних, июльских, донесениях армейское начальство стало, извините за выражение, врать уже в другую сторону: что все бесчисленные армады советских танков немцы уничтожили меньше чем за месяц боев – по полтысячи и больше танков в день. Непонятно как, где и в какие именно моменты, но уничтожили. То есть наши танки вроде бы вовсе и не враг уничтожил, а они, получается, как бы самоликвидировались.

А им вслед бездумно вторят историки и прочие сочинители. И эти послевоенные авторы отнюдь не обеспокоены вопросами о том, как именно произошел этот беспрецедентный танковый погром, в каких боях, на каких маршах и каким образом? Вот, к примеру, М. Мельтюхов привел данные о том, что к 10 июля 1941 года Красная армия потеряла 11 783 танка, ничуть в этом не усомнившись. Но ведь тогда получается, что она теряла по 654 танка в день! И это притом, что все вражеские войска, вместе взятые, за все эти дни потеряли вроде как всего лишь 350 танков! [24] Как говорят в таких случаях немцы: дас ист фантастиш! Извините, но когда сталкиваешься с подобными чудесами подсчетов потерь, трудно сдерживать эмоции. Но еще больше после таких цифр подмывает непатриотично восхититься силой врага: вот ведь какие тогда были немецкие чудо-богатыри! Слава богу, что не на самом деле, а в стране невыученных уроков, то бишь искаженной истории.

И в самом деле, куда подевалась их богатырская сила уже осенью 1941 года, когда и сто советских танков в день одолеть им было уже невозможно по одной уже хотя бы причине их резкого сокращения к тому времени в Красной армии (на грани исчезновения как вида), подобные авторы не сообщают. Ведь тогда она имела на фронте менее полутора тысяч танков [25]. Однако, как ни странно, ее сопротивление захватчикам в это время лишь усилилось.

Если верить М. Мельтюхову и подобным ему авторам, то получается, что воевать против примерно одинаковых сил врага с полутора тысячами танков лучше, чем с 15 тысячами. Точнее говоря, когда РККА имела численный перевес в танках над вермахтом примерно в 3,5 раза, ей было тяжелее, чем когда она его не только полностью утратила, но и перевес в них перешел к противнику. Из этого логически возможны два основных вывода: либо авторы, которые пишут о многократном перевесе советских танковых сил в своей численности в начале войны, мягко говоря, сильно грешат против истины, либо роль танков в той войне была незначительной. Автор этих строк гораздо больше склоняется к первому варианту, хотя, конечно, значение танков переоценивать, как это многие делают, тоже не стоит.

Читая высказывания верующих в большое численное преимущество Красной армии в танках над вермахтом, которое якобы было в начале войны, приходится только удивляться силе их чувства. Так, известный исследователь М. Барятинский и от этой веры не хочет отступать, заявляя, что с 22 июня по 9 июля 1941 года врагом было уничтожено 11 712 советских танков, и ежесуточные потери наших танков не решается представлять совсем уж невероятными, определяя их в более реалистичные 233 танка [26], однако напрочь при этом забывая об элементарных правилах арифметики. Ну а если верным все-таки является последнее число, то получается, что за 18 указанных суток советские войска потеряли 4194 танка. И, вероятно, с учетом танков, захваченных врагом практически без боя, а также вынужденно уничтоженных нашими воинами при отступлении или брошенных ими из-за поломок или отсутствия горючего на маршах, советские потери в этих боевых машинах в рассматриваемый период как раз и были примерно такими. А если больше, то ненамного. Ну а остальные «потери» – это, надо полагать, на самом деле небоготовые к началу войны танки либо вовсе существовавшие лишь на бумаге.

Даже командующий немецкой группой армий «Центр» Ф. фон Бок, который вряд ли сумел полностью справиться с естественным желанием приукрасить свой полководческий триумф в сражении с войсками фронта Д. Павлова, и то записал в своем дневнике всего лишь о 2585 советских танков, захваченных и уничтоженных за указанный период времени подчиненными ему силами [27]. И это на самом неблагоприятном для Красной армии фронте, потери на котором в начале войны составляли едва не половину всех наших потерь!

Весьма также интересно уточнить, а чем же гитлеровцы уничтожали наши танки? Нет, понятно, не пашками или штыками, но, как ни крути, а получается, что все теми же якобы малочисленными и слабыми немецкими танками и артиллерийскими орудиями, о которых нам пишут многочисленные историки-мифологизаторы.

Впрочем, чтобы понять многие важные причины этого разгрома, не нужно даже кропотливого анализа всех фактов и скрупулезного подсчета всех показателей. Достаточно хотя бы внимательно посмотреть на структуру наших танковых войск западных военных округов. Порядка 20 % их бронетехники составляли легкие пулеметные танки, малые танки и танкетки, еще больше (до 30 %) советской бронетехники фактически находилось не в боеготовом состоянии, а доля танков нового типа в них насчитывала всего лишь около 10 %. Кроме того, многие сотни танков, числившиеся в войсках ЗВО, на самом деле еще не были в строю или уже выбыли из него. У немцев же малых танков и танкеток не было вообще, доля легких пулеметных танков Т-1 составляла около 8 %, практически все танки были не просто боеготовыми, а уже введены в действие. Что касается их танков и штурмовых орудий нового типа, то они составляли почти половину бронетехники войск вторжения. Но об этом подробнее поговорим дальше.

Ну да ладно, вернемся к работе В. Гончарова. Особое внимание он уделил крупнейшему танковому сражению на Волыни, которое состоялось в последние дни июня 1941 года (в районе Дубно, Луцка и Брод). Назвав его уникальным, он отметил, в частности, то, что это был «встречный бой танковых частей на широком фронте (до 50 км) без поддержки пехоты». «Танковые и моторизованные группы обеих сторон, – продолжал он, – вырывались вперед, образуя «слоенный пирог» и угрожая флангам друг друга» [28]. Правда, согласиться с ним в том, что пехота их не поддерживала, никак нельзя, но роль ее в этом сражении и в самом деле была невелика.

Если поверить официальным отчетам советского военного ведомства и послевоенным данным немецких генералов, то выходило, что советские войска имели в этом сражении огромное превосходство в числе танков – примерно 3-кратное. Согласно этим данным, с немецкой стороны в сражении участвовало пять танковых дивизий, имевших в наличии 700–800 танков (если не меньше), с советской – пять механизированных корпусов, имевших в наличии 2000–2500 танков, а по некоторым данным – свыше 2800. К примеру, известный исследователь А. Исаев подсчитал, что их соотношение в нем было следующим: 800 против 2800 [29]. Но несмотря на это, сражение, как известно, полностью выиграли немцы. Как же так получилось? Что, действительно главное – маневры? Либо же всё дело в том, что немецкие танкисты были исключительно отличниками, а наши – сплошь двоечниками?

В этом сражении участвовали, разумеется, не только танки, но все-таки с каждой стороны именно они составляли основные силы. И свалить все на распрекрасную пехоту вермахта, а равно на вездесущие немецкие крупнокалиберные зенитные орудия, которые якобы были главными истребителями лучших советских танков в начале войны, в данном случае никак не получится. Как ни крути, а выходит, что немецкие танки в прямом столкновении побили советские танки, причем вроде как гораздо более многочисленные. Но это же значит, что их танки оказались значительно сильнее, чем наши! И в то же время если бы наши танки тогда были действительно хороши, то при всех проблемах управления войсками и готовности экипажей эта танковая лавина Юго-Западного фронта на столь небольшом своем участке неизбежно бы протаранила, пробила немецкие позиции своей мощью, как говорится, массой бы задавила.

Не помогли и новые танки Т-34 и КВ, коих в мехкорпусах, участвовавших в сражении, вроде бы было немало. И подбивали их немцы почти так же успешно, как и другие наши танки. Это, кстати, можно лицезреть на архивных немецких фотографиях, которые во множестве теперь размещены в военно-исторических книгах и Интернете. Или можно заглянуть в подсчеты того же А. Исаева, согласно которым в 10-й советской танковой дивизии из 56 потерянных в этом сражении танков КВ было разбито и сгорело на поле боя 11, выбыло по техническим причинам 34 и еще 11 осталось на поле боя по неустановленным причинам. Что касается потерянных 32 танков Т-34, то жертвами немецких ударов стали 20 из них, а 9 было потеряно по техническим причинам [30].

Получается, что если танки КВ еще представляли для немцев на поле боя серьезную проблему, то «тридцатьчетверки» подбивались ими достаточно легко. Согласно данным А. Исаева, по доле выведенных из строя в результате огня врага Т-34 имел показатели практически не лучше, чем танки Т-26, Т-28 и БТ-7. Что в общем-то неудивительно, так как он был тогда не столь уж и неуязвим, каким его порой пытаются представить. И броневая защита его была не такой уж и мощной, и слабых мест для огня врага в нем хватало: передний люк, маска орудия, пулеметные установки, сварные швы, но особенно гусеницы. Помимо этого, из-за проблем своей компоновки танк был весьма пожаро- и взрывоопасен. Да вдобавок еще, будучи совсем новым танком, он имел тогда много конструктивных и производственных недостатков и недоработок.

Ну а если посмотреть на структуру потерь мехкорпусов? А заодно надо бы конкретнее разобраться в том, какова в них была доля боеготовых танков к началу войны. Сделаем это на примере одного из наиболее укомплектованных мехкорпусов этого периода – 8-го, воспользовавшись данными А. Исаева, полученными им в ЦАМО РФ (ф. 229, оп. 161, д. 89, л. 90) [31]. Итак, вот основные цифры наличия, местонахождения, использования, потерь и остатка танков этого корпуса за первый месяц войны:

№	Вид танка	Числ. на 22.06.	Нах. в рембазах и на заводах	Оставл. на зим. кварт.	Выведено в бой	Перед. другим частям	Потер. в бою	Остав. в пути	Проп. без вести	Погр. на ж/д	Имеется на 20.07.
1	КВ	71	5	6	60	11	13	15	9	12	0
2	Т-34	100	0	5	95	22	18	16	24	15	0
	Танки нового типа	171	5	11	155	33	31	31	33	27	0
3	Т-35	48	0	10	38	0	30	8	0	0	0
4	Т-26	340	14	15	311	7	172	53	67	11	1
5	Т-27	80	14	66	0	0	0	0	0	0	0
6	БТ-7	242	42	48	152	39	62	49	4	28	2
7	БТ-5	20	3	13	4	0	0	4	0	0	0
8	БТ-2	15	1	9	5	0	1	4	0	0	0
9	Т-37	23	3	20	0	0	0	0	0	0	0
10	Т-40	17	0	0	17	0	6	4	0	5	2
	Танки стар. типа	785	77	181	527	46	271	122	71	44	5
	Все танки	956	82	192	682	79	302	153	104	71	5

Если проанализировать эти данные, то в результате получается:

Проц. готовности к бою танков нового типа (от их численности на 22.06.)	90,6 %	Проц. потерь по танкам нового типа (от числа выведенных в бой)	61,2 %
Проц. готовности к бою танков старого типа (от их численности на 22.06.)	67,1 %	Проц. потерь по танкам старого типа (от числа выведенных в бой)	88,0 %
Проц. готовности к бою всех танков (от их численности на 22.06.)	71,3 %	Проц. потерь по всем танкам (от числа выведенных в бой)	81,9 %

В качестве комментария к первой из таблиц надо прежде всего отметить, что в ней не сходится баланс наличия и потерь по танку БТ-7. Но, как говорится, за что купил, за то и продаю. Автор вынужден оперировать теми цифрами, которые приведены в работе А. Исаева, и почему в них есть расхождения, можно только догадываться. В любом случае эти расхождения являются не столь уж и существенными и на общую картину наличия и потерь танков рассматриваемого мехкорпуса почти не влияют.

Далее следует сказать, что в отчете помощника командира мехкорпуса по техчасти, положенного в основу этой таблицы, показан очень высокий процент готовности к бою в начале войны танков Т-34 и КВ и одновременно неправдоподобно низкий процент их потерь на марше и в боях. Могло ли быть такое? Наиболее вероятным представляется следующее объяснение: составившее этот отчет должностное лицо, будучи одним из ответственных в мехкорпусе за техчасть, стремилось тем самым показать свою деятельность в лучшем свете. Завысить процент боеготовности танков можно было за счет завышения числа переданных танков в другие воинские части (поди проверь это, тем более что многие командиры и начальники были к тому времени убиты, а соответствующая документация утеряна в результате поражений и отступлений), а также за счет преувеличения числа танков, пропавших без вести.

Особенно странно, почему именно среди танков нового типа было так много пропавших без вести – 21,3 % от числа направленных в бой (от списка на 22.06.1941 г. – 19,3 %), в то время как среди танков старого типа – 13,4 % (от списка на 22.06.1941 г. – 9,0 %)? Ведь по логике, всё должно быть наоборот. Ибо эти танки не только имели лучшие боевые и технические характеристики по сравнению со старыми танками и меньшую степень изношенности, но и были на особом счету. Их и было гораздо меньше. Поэтому непонятно, почему именно о судьбе новых танков, направленных в бой, это должностное лицо знало хуже? Хотелось бы ему поверить, но, как говорится, из любви к искусству логики никак нельзя. Видимо, помпотех просто не хотел пугать начальство шокирующими цифрами потерь этих танков в боях и на маршах, «спрятав» часть из них в числе пропавших без вести. А скорее всего, большинство из новых танков и вовсе на момент начала войны не успели подготовить к боям.

Нельзя здесь не отметить и то, что графа о пропавших без вести весьма удобна в отчетах, чтобы крутить-вертеть цифрами наличия и потерь в какую угодно сторону. К этой категории потерь можно отнести что угодно. А если что, то потом и обнаружение «пропажи» показать несложно.

Но все-таки надо признать, что в целом оснований сильно не доверять этому отчету не имеется, пусть в нем реальность, скорее всего, значительно приукрашена. Более того, он отразил достаточно закономерную ситуацию. Во-первых, танки нового типа в среднем были более боеготовы, чем танки старого типа. Во-вторых, потери среди первых были меньшими.

Однако танков нового типа к тому времени было выпущено еще довольно мало. А иначе и быть не могло: КВ-1 стал выпускаться в августе 1939 года, КВ-2 – в феврале 1940 года. Эти танки были дорогостоящими и недостаточно технологичными, поэтому в больших количествах они производиться не могли. Еще позже был налажен серийный выпуск Т-34 – лишь в апреле 1940 года. При этом до конца этого года было выпущено всего-то немногим более 100 таких танков. Так что по-настоящему массовый выпуск «тридцатьчетверок» был организован уже в 1941 году. К тому же ни сама эта модель, ни технология ее производства в то время еще не были должным образом отработаны.

Большинство танков нового типа поступило в войска в считанные месяцы накануне войны, а значительная их доля – в последние недели перед ее началом. Поэтому эти танки, а тем более их экипажи были недостаточно хорошо подготовлены. Если их и успели поставить в строй в элементарно готовом для маршей и боев состоянии, то вряд ли успели объездить, хорошо изучить их особенности, потренироваться в их использовании. А многие поступившие в последние дни перед войной и вовсе, по-видимому, не были еще на самом деле поставлены в строй. Этим всем и можно объяснить, что даже среди танков нового типа общие потери были сравнительно велики, как на маршах, так и в боях.

И еще здесь хотелось бы отметить, что если экстраполировать данные о боеготовности танков этого корпуса на все войска ЗВО, то получается, что реально боеготовых танков к началу войны было около 70 % от их списочного состава. Если учесть, что по списку во всех прифронтовых мехкорпусах танков к началу войны было немногим более 11 тыс., то получа-

ется, что всего боеготовых танков, встречавших войска вторжения врага, насчитывалось около 7,75 тыс., а вовсе не 13–14 тыс., как их численность определяется в большинстве исторических трудов. Правда, в наших приграничных войсках имелись также танки и в других соединениях, но их было сравнительно немного, и это были легкие танки, а также танкетки (подробнее обо всем этом будет сказано далее).

Почему же в этом сражении под Дубно немцы одержали сокрушительную победу? Да причины в основном те же, по которым они побеждали летом и осенью 1941 года. Ну, во-первых, в их группировке было значительно больше танков нового, мощного типа (даже по данным А. Исаева, 450 против 340 наших), что в значительной мере компенсировало большой перевес советских войск в танках устаревших видов. Во-вторых, их соединения были гораздо лучше обеспечены автотранспортом, что позволяло им быть более мобильными и иметь лучшее снабжение. В-третьих, их артиллерия была гораздо более многочисленной и мобильной благодаря прежде всего хорошему оснащению быстроходными полугусеничными тягачами. В-четвертых, к тому времени они имели почти полное господство в воздухе. В-пятых, их группировка была более сбалансированной, слаженной и компактной, в отличие от советской, которая впопыхах собиралась из разбросанных по Правобережной Украине соединений. Ибо, к сожалению, война вначале развивалась по немецкому сценарию, а не по советскому. Ну и, в конце концов, есть основания сильно сомневаться в большом численном превосходстве в танках советской группировки, участвовавшей в этом сражении, о котором говорят большинство историков. Хотя бы потому, что советские танки ими считались все, которые числились в списках мехкорпусов, а немецкие – те, которые реально были введены в бой.

В развитие поднятой темы хотелось бы еще привести небезыңтересные пассажи из воспоминаний маршала И. Баграмяна. Являясь тогда одним из руководителей штаба Юго-Западного фронта, он весьма досадовал о «невыполнимом» (!) приказе наркома обороны о контрнаступлении фронта силами не менее пяти (!) механизированных корпусов и всей его авиации. Приказ этот был отдан вечером 22 июня, а наступление намечено на следующее утро. Он даже вспомнил, как у него «перехватило дыхание» от такой «досады» [32].

Да, приказ, конечно, был трудным для исполнения, в частности по срокам и задачам. Но разве он был таким уж невыполнимым? Ведь считается, что Юго-Западный фронт по числу танков намного превосходил не только эту группу, но и все немецкие войска, вместе взятые. Откройте почти любой источник, в котором сравниваются танковые силы сторон, сражавшиеся в начале войны на Киевском направлении, и вы увидите, что будто бы против примерно 800 немецких танков здесь действовало почти 4800 советских [33]. И даже скептически настроенный к этим данным В. Гончаров пишет, что один только 4-й механизированный корпус имел танков больше, чем вся танковая группа В. фон Клейста [34]. Ну а других танков, а также САУ противника, судя по работам большинства историков, на этом направлении как бы и не существовало.

Так неужели И. Баграмян в начале войны не знал о большом превосходстве советских войск в танках? Или же его на самом деле не было? Однако как это ему, человеку, который по своей должности непосредственно занимался сбором и анализом информации о силах сторон, не было известно истинное их соотношение? Получается, что оно, судя по всему, было далеко не такое, как это представляли в послевоенных трудах почти все сочинители. Тогда какие доклады и отчеты он и его коллеги писали в 1941 году? Вопрос, само собой, риторический. И не после таких ли вот докладов и отчетов руководство Красной армии решилось на этот приказ?! Вряд ли эти штабные умники не знали, каково было истинное соотношение сил, но по заведенной у нас традиции лакировали действительность. И все эти, так сказать, трансформации сознания наших военачальников показывают, чего стоят их донесения и чему надо верить: словам или делам, цифрам на бумаге или результатам боев!

Тем не менее в любом случае войска Юго-Западного фронта были все-таки весьма многочисленны. Но где находились тогда его механизированные корпуса и танки и в каком они были состоянии? А где угодно, только не там, где нужно, и, как обычно, к бою они были не вполне, а то и вовсе плохо готовы. Вот какую реакцию начальника штаба Юго-Западного фронта М. Пуркаева на этот приказ приводит В. Гончаров: «...войска фронта не готовы к контрнаступлению... 9-й и 19-й мехкорпуса подойдут к району боевых действий не раньше, чем через трое-четверо суток... даже 4, 8 и 15-й мехкорпуса могли начинать наступление не ранее, через сутки...» [35].

Это тоже невозможно оставить без комментариев и восклицаний. Особенно здесь повергает фраза о том, что два мехкорпуса смогут подойти к месту боев не раньше чем «через трое-четверо суток»! Это – когда уже вовсю идет война! Это – на расстояние порядка 200 км, ну пусть даже для отдельных частей – до 400 км! Это – при номинальной скорости большинства советских танков как бы до 50 км в час и даже более! Вот это боеготовность! Вот это превосходные советские танки!

Ну а наш прославленный полководец Г.К. Жуков в своих воспоминаниях и вовсе с солдатской прямоотой поведал следующее: «Эта директива поступила к командующему Юго-Западным фронтом около 24 часов. Как я и ожидал, она вызвала резкое возражение начштаба фронта М.А. Пуркаева, который считал, что у фронта нет сил и средств для проведения ее в жизнь» [36].

Ничего себе! Согласно официальным докладам, в распоряжении Пуркаева имелось почти 5 тыс. танков против как бы 800 немецких, а он говорит об отсутствии сил и средств! Но в своем ли тогда уме был Пуркаев, а следом за ним и Жуков, который ничуть не удивился такой его реакции? Как хотите, но автор не находит ни малейших оснований для подозрения в сумасшествии этих военачальников. Тогда выходит, что эта статистика – большое лукавство, что хорошо знали указанные лица. Не могли не знать, ибо работа у них в этом и состояла, чтобы знать.

Итак, могло ли соотношение в танках сторон быть столь несопоставимым: 4800 советских против 800 немецких? И что бы тогда происходило, если бы оно действительно было таким? Да еще и наши танки были бы и в самом деле лучше немецких? Выше автор уже немало говорил о том, что это соотношение, по сути, миф, и дальше еще приведет конкретные доказательства, подтверждающие эту оценку. А пока хотелось бы привести цитату из дневника Ф. Гальдера, который, делая записи о событиях 24 июня 1941 года, написал следующее: «1-я танковая группа Клейста, имея теперь в первом эшелоне четыре танковые дивизии (14, 13, 11 и 16-я), вышла к реке Стырь» [37]. Четыре немецкие танковые дивизии в то время – это и есть примерно 800 танков (хотя во многих источниках число танков в названных немецким фельдмаршалом дивизиях оценивается примерно в 600). Но сколько танков и САУ у немцев и их союзников было в других соединениях на иных участках фронта на этом направлении, сколько – в «пионерных» частях и сколько шло вторым эшелоном, находилось в резерве этой группы армий? И это были не танки, числившиеся на бумаге, которые в лучшем случае ждали своего часа в боксах воинских частей, и многие так и не дождались, а реальные, уже введенные в действие.

В любом случае бесспорно по крайней мере то, что немцы не могли направить на один сравнительно небольшой участок фронта все свои танки, оголив все остальные его участки. И у них на этом направлении, помимо указанных танков, было еще немало других танков, а также САУ. Это можно увидеть хотя бы еще по одной записи Ф. Гальдера от 26 июня о том, что 14-й танковый (моторизованный) корпус Г.А. фон Витерсгейма не может быть направлен на помощь группе фон Клейста из-за плохих дорог и их перегрузки [38]. Как известно, этот корпус входил в резерв группы армий «Юг» и имел в своем составе 9-ю танковую дивизию, дивизию СС «Викинг» и другие формирования, в которых были танковые и самоходно-артилл-

лерийские части и подразделения. При этом общее количество танков в нем тогда составляло, насколько можно оценить, значительно более 150 штук, а САУ – до 50 штук. Действовали на этом направлении и другие немецкие соединения, включавшие в себя танковые и самоходные части. Неподалеку находились также танки Румынии, Венгрии и Словакии.

И может быть, не так уж был не прав командарм-5 М. Потапов, который 24 июня докладывал Г. Жукову, согласно воспоминаниям последнего, о том, что на «фронте Влодава – Усти-луг действует... до двух тысяч танков» противника [39]. Наш прославленный маршал, если поверить его мемуарам, посчитал эти сведения сильно преувеличенными. Но надо полагать, что это он стал таким осведомленным спустя много лет после войны во время работы над мемуарами. Наверняка ведь тоже начитался трудов Б. Мюллера-Гиллебранда и прочих умников, а также вторивших им авторов советских военно-исторических изданий. А вот в то время он, судя по контексту его воспоминаний, не считал, что у наших войск есть преимущество в танках, даже на этом направлении.

Итак, упомянутые Ф. Гальдером немецкие танковые дивизии непосредственно встречали танковые и иные части 8, 9, 15, 19 и 22-го мехкорпусов, а также 109-й мотострелковой дивизии. Именно им был отдан приказ о контрнаступлении на этом направлении. К началу войны они насчитывали по списку примерно 3210 танков [40], из которых Т-34 составляли 174 единицы, а КВ, по разным данным, – от 102 до 189. Во всяком случае, столько их числилось по документам. Но сколько из них реально вступили в сражение под Дубно – Луцком – Бродами, это большой вопрос. Ведь многие из них (по отчетам, до 30 %) к началу войны были неисправны, а немало числившихся исправными реально тоже оказались небоеспособными. А потому они были потеряны еще до боя: сломались на марше или вовсе не смогли выйти из мест своей дислокации. Кроме того, часть танков этих корпусов была выведена из строя в первых боях войны и в результате бомбежек. Отсюда можно смело предположить, что всего в этом сражении приняло участие около половины из числившихся в них по списку танков, то есть порядка 1600, из которых Т-34 и КВ составляли в лучшем случае приблизительно 250 машин.

В результате получается, что до 800 немецких танков, из них до 450 новых, мощных типов, побили отнюдь не 2800, а на самом деле примерно 1600 советских танков, среди которых новые, мощные типы составляли около 250 штук. И это уже вполне правдоподобно. 450 немецких Т-III и Т-IV гораздо сильнее, чем 250 советских КВ и Т-34, весьма в то время сырых в техническом отношении и плохо освоенных в войсках. Ну а более многочисленные советские легкие и малые танки, а тем более танкетки мало чем могли помочь во встречном танковом сражении. А если к тому же учесть, что немецкие танковые экипажи были лучше укомплектованы и подготовлены, их соединения лучше снабжались и поддерживались артиллерией, мотопехотой и авиацией, то этот разгром выглядит вполне закономерным. Вот откуда недоумение и растерянность, которые возникли тогда у Г. Жукова, М. Пуркаева и И. Баграмяна после получения приказа о контрнаступлении. Не могли они в то время не знать истинное соотношение сил. Вот почему Г. Жуков в своих воспоминаниях действия этих корпусов под Дубно считал успешными, несмотря на их полное в итоге поражение в этом сражении.

Еще больше примеров применения советских танков в начале войны мы можем найти в весьма обширной книге Е. Дрига «Механизированные корпуса РККА в бою». Его описания основаны на архивных материалах и мемуарах участников событий, достаточно обстоятельны и точны. Вот как он описывает, к примеру, действия 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса:

«В 16 часов 22 июня командиры подразделений 2-й дивизии получили первый боевой приказ о сосредоточении в районе Расейняй для удара по прорвавшемуся противнику. Спустя час полки дивизии выступили в поход. С наступлением темноты подошли к Ионаве.

Здесь авангардный 4-й танковый полк встал из-за сильного потока беженцев на автомашинах и повозках. Шедший за ним 3-й танковый полк изменил маршрут следования: перейдя

мост через реку Нярис, он проследовал на Ионава – Расейняй – Тильзит. Дивизия продвигалась проселочными дорогами. При движении колонн пользование радиостанциями строго запрещалось. Марш и сосредоточение дивизии в темное время суток, без потерь от авиации противника, хорошо организованные командованием дивизии, приводились в послевоенных учебниках в пример. <...>

Как это часто случалось в ходе приграничного сражения 1941 года, назначенный исходный рубеж для спланированного советской стороной контрудара был уже занят противником. Части 2-й танковой дивизии встретили 6-ю танковую дивизию корпуса Рейнгардта уже на западном берегу реки Дубисса, в нескольких километрах к северу от Расейняя. Вместо контрудара во фланг началось встречное сражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.